

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ЭТНО
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ
ДУХОВНОЙ
КУЛЬТУРЫ

Под редакцией

В. И. Козлова, А. Н. Ямского, Н. И. Григулевич

МОСКВА, 2005

Редакторы:

В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич

Рецензенты:

доктор исторических наук А.А. Белик
кандидат исторических наук А.Н. Седловская
кандидат исторических наук В.В. Степанов

Этноэкологические аспекты духовной культуры / Ред.: В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич, М., ИЭА РАН. 2005. 324 с.

Тематический сборник включает статьи этнологов, географов и других специалистов, посвященные проблемам этнической экологии. Предметом анализа авторов служат адаптивные функции нематериальных явлений культуры, прежде всего религиозных представлений, роль элементов духовной культуры в жизнеобеспечении этноса, особенности восприятия природы и отношения к ней в культурах разных народов и другие проблемы, обусловленные наличием этнокультурной специфики во взаимодействиях общества и природной среды. Эти и другие тематически близкие вопросы рассматриваются как в теоретико-методологическом плане, так и на конкретных примерах народов Южной и Центральной Азии, Средиземноморья, Карпат, Поволжья, Крайнего Севера Евразии.

ISBN 5-201-13770-9

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2005
© Коллектив авторов

А.Н. Ямсков

Экологически значимые
культурные архетипы
поведения человека

Экологические функции культуры в целом и культурная адаптация в частности в последнее десятилетие все чаще привлекают к себе внимание ученых и университетских преподавателей, занимающихся современной экологической проблематикой и имеющих как профессиональную подготовку, так и опыт исследований в самых разных естественных и общественных науках¹. В качестве иллюстрации уместно привести развернутую цитату из программной работы академика Н.Н. Моисеева, видевшего «более или менее приемлемый путь выхода из экологического кризиса» или, говоря иными его словами, «обеспечение коэволюции человека и окружающей среды» прежде всего «... в форме некоторой длительной переходной программы изменения общества и окружающей среды, которая должна опираться как на программу технического перевооружения общества ..., так ... и на множество социальных программ – образования и переустройства общества, его потребностей, менталитета и выработке некоторого нравственного императива»². Сходная по сути мысль о центральной роли изменений культуры в предотвращении надвигающейся глобальной экологической катастрофы звучит и в недавно изданном учебном пособии для старшеклассников и студентов, где акцентируются положения документов Конференции ООН по окружающей среде и развитию (г. Рио-де-Жанейро, 1992 г.) о «социокультурном характере экологического кризиса» и потому в качестве актуальной и жизненно важной задачи для

современного человечества ставится императив создать культуру, адекватную особенностям природы Земли, и благодаря ей «вписаться в биосферные циклы»³. Впрочем, о том, что для поставившего себя на грань экологического кризиса человечества «... нет, и не будет ... спасения, пока оно само не изменит своих привычек, нравов и поведения», сказал еще в 1977 г. в своей книге «Человеческие качества» Аурелио Печчеи⁴.

Однако экологические функции культуры и особенности культурной адаптации человечества в последние десятилетия XX в. изучаются не только теми специалистами-экологами, которые заняты поиском путей реализации идей о ноосфере или концепции «устойчивого развития». Такого рода исследования имеют уже достаточно долгую историю в этнологии (культурной антропологии) и археологии. В частности, именно экологически ориентированными исследованиями культур народов мира занимается отечественная этническая экология⁵ и ее зарубежный аналог – экологическая антропология⁶ (или, в терминах конца 1950-х – начала 1960-х гг., культурная экология). Так, по мнению профессора В.И. Козлова⁷, который ввел в науку сам термин «этническая экология» и впервые обосновал предметное содержание этой пограничной субдисциплины, одной из ее «основных задач» является «... исследование способов адаптации этнических групп к природным и социально-культурным условиям их жизни, оценка успешности этой адаптации ...». Для современной американской экологической антропологии центральной задачей тоже является изучение культурной адаптации⁸. Правда, в обоих случаях пока явно преобладают исследования конкретных аграрных или доаграрных обществ либо, что бывает чаще всего, тех локальных сообществ, в которых более или менее полно сохранившиеся явления традиционной культуры сосуществуют или вступают в конфликт с элементами современной культуры, заимствованными из промышленно развитых обществ.

Несомненно, и сейчас важной задачей остается продолжение конкретных исследований и дальнейшее уточнение и усовершенствование понятий и терминов в области этнической экологии и этнологии традиционных (аграрных и доаграрных) и близких к ним по

образу жизни большинства населения обществ. Однако ныне центральной научной и практической проблемой все же является выработка способов переноса имеющихся этноэкологических концепций и гипотез (вероятно, с некоторым их переосмыслением) в исследования (дез)адаптивных функций культуры современных (индустриальных и постиндустриальных) обществ⁹. К сожалению, в данной сфере отечественными этнологами сделано пока еще явно недостаточно, хотя в этой связи нельзя не отметить серию исследований С.А. Арутюнова¹⁰ или, например, некоторые работы В.И. Козлова¹¹ и Ю.В. Бромлея¹².

Для целей данной работы важно также уточнить, что культура в отечественных социальных науках благодаря исследованиям Э.С. Маркаряна обычно понимается прежде всего как способ (или средство, механизм) организации человеческой деятельности¹³, а не только как совокупность духовных и материальных результатов целенаправленной деятельности человека. Иными словами, в культуре ныне видят в том числе и «регулятор социотипического поведения личности»¹⁴. Например, один из ведущих американских специалистов в области культурной антропологии и, в частности, экологической антропологии, Джон Беннет, в энциклопедической справочной статье говорит, что «культуру можно рассматривать как характерный способ организации деятельности в конкретном обществе»¹⁵. В самом общем плане культуру также описывают как «интегрированную систему человеческих знаний, верований и поведения»¹⁶, или же как «систему ценностей, идей и форм поведения, которая может ассоциироваться с одной или несколькими социальными и национальными группами»¹⁷. В этноэкологических же исследованиях культуру трактуют прежде всего как средство и результат внебиологической групповой адаптации к условиям окружающей среды¹⁸.

Известно, что человек адаптируется к условиям окружающей среды посредством изменения как биологических особенностей своего организма, так и культуры сообщества, в которое он входит. Первая составляющая адаптации свойственна всем живым существам на нашей планете и означает изменение морфологических и физиологических параметров организма в сторону большего их соответствия

абиотическим (прежде всего климатическим) и биотическим факторам среды обитания¹⁹, причем в последнем случае основную роль играют болезнетворные микроорганизмы. Культурная составляющая адаптации человека²⁰, появившаяся в результате качественного преобразования поведенческой адаптации других млекопитающих, выражается прежде всего в накоплении и межпоколенной передаче информации об условиях и ресурсах окружающей среды и в выработке (часто путем целенаправленного обучения) соответствующих навыков, или умений, пользоваться этой информацией, т.е. добывать требуемые ресурсы (в том числе создавая и применяя соответствующие орудия труда), избегать средовых рисков (например, наводнений или лесных пожаров), смягчать воздействие негативных природных условий (используя, например, различные типы жилищ и одежды в разных природно-климатических зонах).

Итак, в культуре, рассматриваемой в качестве способа групповой адаптации к среде обитания, можно выделить, во-первых, сумму знаний о том, что и каким образом следует делать человеку для выживания и для достижения определенных целей в тех или иных условиях среды, во-вторых, используемые им при этом разного рода орудия труда и другие специально созданные материальные объекты (например, жилище или одежду), и в-третьих, практические навыки по осуществлению указанных действий, включая изготовление и использование орудий и других вещественных явлений культуры, или артефактов. Иначе говоря, на первом этапе исследования многообразие экологически значимых²¹ явлений культуры можно сгруппировать в три основных категории – одну материальную (орудия и т.п.) и две нематериальные (знания и навыки). Стоит особо подчеркнуть значимость последней из них, ведь знания и умения не всегда совпадают. Вместе с тем навыки (умения), точно так же как и знания, приобретаются путем подражания, целенаправленного обучения²² и, естественно, накопления личного опыта. Например, все студенты-этнологи хорошо знают о таких традиционных орудиях охоты, как лук со стрелами или духовое ружье, и имеют достаточное представление о способах их применения, однако вследствие отсутствия практических навыков они вряд ли смогут ими сразу же эффективно воспользоваться, если вдруг пред-

ставится такая возможность или даже острая необходимость.

Культурная адаптация может трактоваться и как процесс (накопление в культуре адаптивных свойств), и как результат (достигнутый уровень адаптированности к условиям среды обитания). Таким образом, в первом случае культурная адаптация есть процесс накопления в культуре определенной группы населения тех особенностей и свойств, которые повышают шансы этой группы на выживание и устойчивое воспроизводство в данных условиях окружающей среды при сохранении (этно)культурной идентичности и самосознания членов группы. Культурная адаптация, рассматриваемая как достигнутый в ходе исторического развития результат, означает комплекс особенностей и свойств культуры конкретной группы населения, обеспечивающих ее выживание и устойчивое воспроизводство в процессе смены поколений в данных условиях окружающей среды при сохранении (этно)культурной идентичности и самосознания членов группы. О степени (не)успешности культурной и биологической адаптации к природным и социальным условиям среды обитания можно судить прежде всего по медико-демографическим характеристикам изучаемой группы населения (физическому развитию, уровню и структуре заболеваемости, ведущим причинам смертности, средней продолжительности жизни и распространенности долгожительства, естественному приросту этого населения).

В культурной адаптации человека обычно выделяют параллельно существующие пассивные, или *приспособительные*, т.е. обусловленные условиями окружающей среды, и активные, или *приспосабливающие* условия среды обитания к потребностям человека, составляющие²³. Очевидно, что к первым относятся, например, меховая одежда у народов Севера или умение кочевников-скотоводов находить естественные водопои и относительно богатые растительностью пастбища во время перекочевок по сухим степям и полупустыням. Однако в механизмах культурной адаптации присутствуют и такие элементы, которые позволяют назвать ее активной, ибо они дают человеку возможность сознательно трансформировать ландшафты освоенной им территории. Например, те же кочевники-скотоводы умеют не только находить в кажущихся безводными степях и пус-

тынях близкозалегающие грунтовые воды, но и устраивать в таких местах колодцы и водопой для своего скота, а жители оазисов аридной зоны – подводить воду к орошаемым полям, порой – за многие десятки километров.

Культура, рассматриваемая как механизм, или регулятор, адаптивного поведения человека, в значительной своей части представляет собой своего рода исторически выработанные формы реализации инстинктивных, т.е. базовых биологических, потребностей. Иными словами, свойственные человеку как виду *Homo sapiens* биологические потребности являются первичными и выступают в качестве мотивов важных, с точки зрения адаптации, действий, формы реализации которых как раз и определяются культурой соответствующих сообществ. О том, что, собственно, входит в состав таких первичных биологических потребностей, писали многие специалисты по экологии человека и близким дисциплинам²⁴.

Полагаю, можно предложить следующий вариант трактовки фундаментальных биологически обусловленных потребностей человека, создающих мотивацию его экологически значимой деятельности и тем самым задающих конечные цели адаптивного поведения²⁵:

- самосохранение (обеспечение безопасности, т.е. отсутствия угрозы для жизни и здоровья);
- поддержание физического существования (обеспечение потребностей в пище и отдыхе для восстановления сил);
- продолжение рода (обеспечение межпоколенной передачи генетической и социо-культурной информации посредством удовлетворения полового и родительского инстинктов);
- получение адекватной информации о внешней среде (обеспечение сведениями об окружающей действительности, достаточными для уверенности в приемлемом уровне безопасности и в будущих возможностях жизнеобеспечения себя и своей социальной группы);
- социальное признание (обеспечение адекватной самооценке положения в сообществе).

Подчеркну, что перечисленные выше важнейшие потребности имеют именно биологическую, т.е. инстинктивную, природу. Сказанное относится и к социальному признанию, которое, в форме потребнос-

ти занимать определенное, оптимально – высокое место в иерархии животных своей группы, свойственно всем «социальным», или стадным, видам млекопитающих, включая почти все виды приматов.

Кроме того, многие действия человека, в конечном итоге обусловленные необходимостью удовлетворения его перечисленных выше базовых биологических потребностей, отнюдь не всегда осознаются людьми в качестве таковых. Например, мать, лаская своего маленького ребенка и старательно оберегая его от мелких житейских проблем вроде падений и ушибов, искренне радуется тому, что ей это удается, но при этом вовсе не задумывается о том, что она тем самым реализует свой родительский инстинкт, обеспечивая более высокую вероятность успешной передачи генетической информации следующему поколению.

Однако из сказанного выше вытекает вопрос, является ли достаточным и исчерпывающим приведенное ранее в данной работе и вполне очевидное разделение экологически значимых явлений культуры на знания, артефакты и навыки по использованию последних. Ведь если основные биологически обусловленные потребности человека иногда действуют в качестве побудительных мотивов поведения вне и помимо его сознания, но при этом оформляются в виде закрепленных в культуре стереотипно повторяемых поведенческих норм, то мы в данном случае имеем перед собой еще одну особую категорию явлений культуры, не сводимых к первым трем. Вероятно, эти поведенческие стереотипы можно назвать проявлениями экологически значимых культурных архетипов²⁶, которые, вместе со знаниями, артефактами и умениями, в сумме и составляют культуру как механизм внебиологической адаптации к условиям окружающей среды.

В частности, автором этих строк уже была предпринята попытка, используя отдельные положения С.А. Арутюнова о «культуре вейстинга» и престижного потребления²⁷, дополнить их выделением ряда других общечеловеческих культурных архетипов, проявляющихся в сфере взаимодействия общества и географической среды и существующих на самых разных этапах исторического развития человечества, включая и современный²⁸. При этом под проявлени-

ем культурного архетипа понимается комплекс действий (поведенческих реакций), стереотипно повторяющийся у представителей разных этнических культур, в том числе находящихся на различных уровнях социально-экономического развития, когда они попадают в сходные условия окружающей среды. Иными словами, устойчивое большинство людей по отношению к используемым ими ресурсам и к состоянию среды обитания поступает схожим образом, т.е. «архетипически», если они оказываются в однотипных ситуациях с точки зрения природных и социокультурных условий жизни и обеспеченности природными ресурсами.

Вероятно, эти экологически значимые архетипы культуры, порождающие неосознаваемые формы поведения человека, можно себе представить следующим образом.

I. Архетипы, порождающие основные экологические проблемы в рамках доаграрных и аграрных хозяйственных укладов (в традиционных обществах) и продолжающие сохранять свое существенное значение в современных индустриальных и постиндустриальных обществах:

- отсутствие сознательных ограничений на рост потребления природных ресурсов (в традиционных обществах – из-за отсутствия сознательных ограничений роста численности населения и, следовательно, его совокупных потребностей; в современных обществах – из-за отсутствия сознательных ограничений роста индивидуального потребления, в первую очередь – промышленных товаров и услуг);
- ориентация на минимизацию трудозатрат, в том числе в сфере природопользования (преимущественная ориентация на наиболее экстенсивные, из всех возможных, формы использования доступных природных ресурсов).

II. Архетип, порождающий экологические проблемы на стадии перехода от доаграрных и аграрных хозяйственных укладов, т.е. от традиционных обществ, к современному индустриальному и постиндустриальному обществу, когда наблюдается сосуществование еще сохраняющейся коллективной собственности на какой-либо природный ресурс и уже возникающего включения части населения в рыночные отношения и товарное производство, основанное на ис-

пользовании данного ресурса:

- отсутствие сознательных ограничений, препятствующих полному истощению природных ресурсов, если эти ресурсы находятся в коллективном пользовании или владении и при условии, что в процессе их эксплуатации позитивные результаты («выгоду») получают конкретные индивидуумы-пользователи, а нарастающие по мере начинающегося истощения ресурсов негативные последствия («ущерб») равномерно распространяются на всех членов данного коллектива, включая и тех, кто данными ресурсами не пользуется вообще либо пользуется в размерах, не вызывающих их истощения (феномен «трагедии общинных ресурсов» по Г. Хардину²⁹).

III. Архетипы, порождающие основные экологические проблемы преимущественно в современных экономически высокоразвитых индустриальных и постиндустриальных обществах:

- отсутствие сознательных ограничений на химическое загрязнение и трансформацию физических свойств окружающей среды [т.е. отсутствие осознания важности и неограниченности возможностей окружающей среды поглощать и утилизировать (обезвреживать) отходы жизнедеятельности общества, о чем свидетельствует западающее развитие экологически обоснованных, или «экофильных», новых форм мировоззрения, морали, права, экономических механизмов, индустриальных и иных технологий, которые призваны служить средствами предотвращения загрязнения и негативной трансформации физических свойств окружающей среды];

- феномен «культуры вейстинга», или нерационального (явно избыточного с точки зрения биологически обусловленных потребностей человека) использования природных ресурсов в целях завоевания социального престижа, что порождает нарастающий эколого-экономический иррационализм современного «общества потребления» и тем самым выступает как главная движущая сила процессов истощения используемых природных ресурсов и загрязнения или негативной трансформации физических свойств окружающей среды;

- отсутствие сознательных ограничений на риск («рискованное поведение») – на такие действия, конечные результаты которых принципиально непредсказуемы, ибо могут быть как позитивными,

так и негативными, что в современном обществе провоцирует рост частоты и увеличение масштабов техногенных аварий (чаще всего вызываемых неоправдавшимся риском, допущенным разработчиками технологий либо операторами) и, соответственно, нарастающий экологический, медико-демографический, социальный и экономический ущерб от последствий подобных аварий в промышленности и на транспорте.

Не вдаваясь в давно идущие дискуссии о феномене культурного архетипа, в связи с затронутой выше темой сошлюсь лишь на высказанную еще Карлом Юнгом следующую мысль: «Коллективное бессознательное как оставляемый опытом осадок и вместе с тем как некоторое его, опыта, а priori есть образ мира, который сформировался в незапамятные времена. В этом образе с течением времени выкристаллизовывались определенные черты, так называемые архетипы, или доминанты»³⁰ (выделено К. Юнгом). Наш современник видит основную идею К. Юнга об *«архетипах коллективного бессознательного»* в том, что «... бессознательное не сводится к биологически детерминированным, инстинктивным слоям психики, а охватывает сумму, или осадок, психического опыта всех предыдущих поколений; сумму, проявляющуюся в душевной жизни в виде определенных типов поведения, эмоциональных реакций, образов спонтанных фантазий, сновидений и даже мышления и лишь (в лучшем случае!) с трудом поддающуюся контролю со стороны сознания»³¹ (выделено В.М. Бакусевым). Пусть и с использованием иных терминов, но по сути о том же явлении пишет известный психолог А.Г. Асмолов: «Надсознательные явления представляют собой усвоенные субъектом как членом той или иной группы образцы типичного для данной общности поведения и познания, влияние которых на его деятельность актуально не осознается субъектом и не контролируется им»³².

Наконец, в недавно опубликованном вузовском учебном пособии по изучению экологического сознания специалисты-психологи отмечают, что «... особенности обыденного, массового экологического сознания – это реальность, ... это лишь проявление той сущности человека, которая характеризует его как потребителя и кото-

рая доминирует над созидательной функцией человека. Как бы человек не хотел, он не может отказаться полностью от этой сущности, лишиться ее, так как это значит просто перестать быть человеком. Следовательно, элементы обыденного экологического сознания, в том числе элементы эгоизма, хищничества, разрушения, всегда будут составной частью экологического сознания, пока будет существовать человек, можно лишь увеличить или уменьшить их значимость, ограничить их реализацию в конкретном поведении»³³. В контексте же обсуждаемых ниже экологически значимых культурных архетипов важно отметить, что процитированные выше отечественные ученые особое внимание уделяют не только мотивации осознаваемых форм поведения человека, но и «бессознательному экологическому вандализму», предполагая в нем в том числе и «отголоски древней тенденции собирательства»³⁴.

За рубежом современная научная школа эволюционной психологии также развернула исследования универсальных общечеловеческих механизмов регулирования поведения, которые сформировались в отдаленном прошлом и потому в современных условиях далеко не всегда оказываются адаптивными³⁵.

О том, что в силу исторически меняющихся условий существования «стереотипы поведения» человека, в том числе имеющие социокультурное происхождение, не всегда сохраняют адаптивное значение, пишут также и отечественные специалисты в области этологии человека³⁶. При этом М.Л. Бутовская, например, специально отмечает, что «то обстоятельство, что конкретное поведение встречается во всех культурах, впрочем, еще не говорит о его врожденной основе»³⁷. Таким образом, и в этой области науки признается возможность существования неких культурно обусловленных общечеловеческих поведенческих норм, которые ныне могут являться в той или иной мере дезадаптивными.

Несомненно, в этот ряд вполне укладываются и приведенные выше экологически значимые культурные архетипы поведения человека, функции которых в ряде случаев с течением времени существенно изменились и в условиях жизни современного общества стали просто опасными.

На то, что перед нами именно культурные архетипы, а не некие врожденные (т.е. инстинктивные) поведенческие стереотипы вида *Homo sapiens*, указывает тот факт, что в разных этнических культурах эти архетипы выражены в весьма различной степени и к тому же в последние десятилетия XX в. многие наиболее технологически развитые общества научились в определенной мере изменять соответствующее им поведение населения путем создания новых правовых или экономических механизмов либо коррекции норм морали и создания общественного мнения, осуждающего подобные действия. Об этом, впрочем, несколько подробнее будет сказано ниже.

Думается, что выделенные выше экологически значимые стереотипные формы поведения человека, обусловленные универсальными культурными архетипами и потому свойственные, пусть и в разной степени, всем людям на Земле и определяющие их действия в сфере природопользования, чаще всего связаны с недостаточным развитием или даже отсутствием в культурах механизмов самоограничения в сфере потребления ресурсов. Собственно, каждый из них так или иначе иллюстрирует этот тезис, будь то прямо (самый первый из перечисленных выше) или косвенно (остальные пять). Иначе говоря, представляется, что для человека как биологического вида основную роль играли средовые (внешние) ограничители роста численности и давления на ресурсную базу, а не внутрипопуляционные³⁸. Это положение косвенно подкрепляется следующими соображениями. Во-первых, в противном случае не было бы ни выхода первых представителей вида *Homo sapiens* за пределы своей африканской прародины, ни прежних демографических взрывов времен Неолитической революции и перехода к производящему земледельческо-скотоводческому хозяйству, или же Промышленной революции и переключения на невозобновимые внебиосферные источники энергии. Во-вторых, отсутствовали бы неоднократно фиксировавшиеся в прошлом и наблюдаемые ныне локальные экологические кризисы вследствие чрезмерного истощения возобновимых и иных природных ресурсов³⁹.

Более того, историческая эволюция человеческой культуры является во многом следствием наличия в ней таких механизмов, кото-

рые, подобно названным архетипам, приводили к неоднократно случавшимся локальным экологическим кризисам вследствие перенаселенности территории и истощения ее природных ресурсов. Кризисы же чаще всего заканчивались либо вторжением на земли соседей и вооруженным конфликтом с ними, либо вынужденной миграцией на новые и ранее казавшиеся непригодными для освоения территории, либо голодом и частичным сокращением населения или даже его вымиранием. Однако иногда ресурсный кризис приводил и к серьезным адаптивным трансформациям исходной культуры, например, к существенному усовершенствованию имеющихся технологий природопользования, или к укреплению социальной организации и усилению кооперации, либо даже к переходу на новые, ранее не использовавшиеся природные ресурсы.

* * *

Теперь имеет смысл перейти к более подробному рассмотрению названных выше экологически значимых культурных архетипов, определяющих поведение человека в сфере использования ресурсов окружающей среды, в особенности же тех из них, которые играют определяющую роль в этой области.

Отсутствие сознательных **ограничений на рост потребления** природных **ресурсов** в традиционных обществах проявляется в основном как отсутствие ограничений роста численности населения⁴⁰ и, следовательно, его совокупных потребностей, а в современных обществах – чаще всего как отсутствие ограничений роста индивидуального потребления⁴¹, в первую очередь – промышленных товаров и услуг. Как уже было сказано, существование этого наиболее генерализованного по своему содержанию и самого экологически важного культурного архетипа подтверждается многочисленными фактами локальных экологических кризисов вследствие истощения природных ресурсов и/или демографических взрывов, равно как и рядом детальных исследований реальных стратегий природопользования и демографического поведения в тех обществах, которые в обозримый исторический период не испытывали ни демографичес-

кого взрыва, ни ресурсного кризиса.

В частности, весьма убедительно механизмы действия подобных установок на максимально возможный рост населения и добычу как можно большего количества морских млекопитающих показал в своем исследовании азиатских берингоморских эскимосов И.И. Крупник⁴². Например, в удачные для охоты годы ими заготавливалось в 1,5-2,5 раза больше мяса и жира, чем реально могли использовать люди и их ездовые собаки, и потому в случае столь же удачного следующего сезона прежние запасы просто выбрасывались. При этом на протяжении 1920-х – 1930-х гг. в прибрежных поселках-общинах Сиреники, Наукан и Чаплино примерно каждый второй год (из тех 10–7 лет, по которым И.И. Крупником были найдены сведения), а в Чаплино – каждый третий год суммарная продукция морской охоты превышала потребности не менее чем на 35%, однако и дефицит мяса, т.е. основного продукта питания, в размере 30%–35% наблюдался за тот же период времени в Наукане, Киваке и Чаплино несколько чаще, чем каждый третий год, а в Сирениках – всего один раз, но зато тогда нехватка составила примерно 46% от нормы годового потребления⁴³.

Таким образом, периодический голод у эскимосов был главной причиной волн повышенной смертности, доводивших детскую смертность до 35% – 40% и более, и именно это удерживало численность населения на одном и том же уровне в примерно 1300 человек в период с 1895 г. по 1937 г., несмотря на весьма существенные за это время флуктуации числа жителей отдельных поселков-общин. Вместе с тем реальные показатели рождаемости и доживаемости детей до детородного возраста в начале – первой половине XX в. у азиатских эскимосов в определенные отрезки времени бывали такими, что могли бы привести к почти трехкратному приросту населения за 100 лет, если бы не периодические потери населения от голододов и эпидемий и не сверхвысокая смертность взрослого населения⁴⁴.

Итак, на Чукотке основными факторами, сдерживавшими рост численности населения у морских охотников и, соответственно, их нагрузки на биоту, были изменчивость погодных условий, в отдельные годы препятствовавших удачной охоте в короткие весенние

и осенние промысловые сезоны, и естественные циклические колебания численности морских млекопитающих, опять-таки приводившие к периодической нехватке промысловых животных и голоду населения. Видимо, подобного же рода механизмы действовали и в других этноэкосистемах Земли, которым были свойственны столь же существенные многолетние изменения природных условий и ресурсной базы. Например, периодические катастрофические падежи скота вследствие наступления неблагоприятных погодных условий (зимних буранов или гололедицы, летних засух) на пастбищах сходным образом разрушали хозяйственный уклад и жизнеобеспечение кочевых и пастушеских народов в аридной и семиаридной зоне, вынуждая их стремиться к максимальному увеличению поголовья своих стад как единственной доступной страховке на случай возможной гибели от трети до половины домашних животных, что, однако, нередко провоцировало перевыпас и, соответственно, перегрузку угодий⁴⁵.

Сказанное выше позволяет заключить, что нередко выявляемая за счет усреднения в пределах относительно больших промежутков времени (многих десятилетий и тем более столетий либо тысячелетий) относительная стабильность численности населения и антропогенной нагрузки на природную среду в традиционных и близких к ним обществах, заселивших территории с весьма изменчивыми природными условиями, на самом деле скрывает серьезные многолетние вариации этих параметров и при этом обусловлена действием средовых факторов, но не определяется культурными нормами демографического поведения человека и природопользования.

С другой стороны, на нашей планете немало территорий и с достаточно постоянными природными условиями. Однако и там, как показали исследования классика американской экологической антропологии Роя Раппапорта среди папуасов внутренних горных районов Новой Гвинеи⁴⁶, за кажущейся многолетней стабильностью численности населения и антропогенной нагрузки на природные ресурсы скрываются серьезные периодические флуктуации этих параметров, но уже за счет действия социокультурных механизмов. Тем не менее и здесь полностью проявляется названный выше культурный архетип, обуславливающий постоянный рост численности населения и масш-

табов его хозяйственной деятельности.

Так, живущие в горном тропическом лесу папуасы *тсембага* в середине XX в. занимались неолитическим подсечно-огневым земледелием, возделывая ямс, таро и многие другие виды растений, и выращиванием свиней⁴⁷. По их верованиям, забой свиней мог быть оправдан только подношением животных духам, т.е. свиней забивали и ели вместе с родственниками и соседями в случае различного рода религиозных празднеств либо поминок, или когда обращались к духам с просьбами о здоровье заболевшего родственника и т.д. Пока свиней в хозяйстве было относительно мало, они в основном питались остатками еды своих хозяев и, находясь на вольном выпасе, почти не требовали специального ухода, но с ростом их поголовья хозяйке приходилось уже специально приносить корнеплоды с огородов к своему дому для регулярной подкормки. В конце концов, даже после всех дарений свиней родственникам и соседям, во всей общине трудозатраты по выращиванию кормов и кормлению свиней вследствие роста их поголовья до уровня, превышающего численность самих людей, становились весьма обременительными.

Именно тогда наступало время, когда считалось возможным и необходимым выкопать дерево «румбум» и тем самым начать годовой цикл празднеств «кайко», в ходе которого члены общины, вместе со своими приглашенными в гости родственниками и союзниками по прошлым войнам из соседних и дальних общин, забивали и съедали почти всех своих свиней, оставляя лишь нескольких производителей и поросят для таких будущих случаев, как рождение детей или похороны. Начало празднеств «кайко» одновременно означало объявление того, что завершившая прошлую войну договоренность о прекращении вражды более не соблюдается, и действительно, вскоре обычно начиналась новая война, в которой община, проводящая «кайко», и ее гости выступали в качестве союзников.

Например, *тсембага* в течение примерно 60 лет (начало – середина XX в.) четыре раза проводили этот ритуал и, соответственно, четырежды воевали с соседями; сходная периодичность инициирования военных столкновений была и у соседних папуасских общин. В ходе этих войн проигравшие несли более существенные людские

потери и, главное, лишались всех своих земель с огородами и свиней. Часть женщин и детей захватывали победители, а другая часть и уцелевшие мужчины из побежденных общин скрывались у друзей и родственников, например, у сестер, когда-то вышедших замуж в другие общины. После подобной гибели одной-двух общин или же заметных людских потерь с обеих сторон враждующие союзы примирялись в ходе особого ритуала, в знак чего высаживали на центральных площадках своих общинных угодий деревья «румбум». Так наступали 10–15 мирных лет, пока вновь из детей и подростков не вырастали новые воины и пока не возрастало поголовье свиней, требуемых для угощения будущих военных союзников во время следующих празднеств «кайко». Впрочем, не участвовавшие в прошлой войне соседи иногда могли вовлечь мирную общину в военные столкновения и гораздо раньше этого срока, так что вплоть до 1950-х гг. периодические военные действия были органичной частью жизненного уклада в горах Новой Гвинеи, тем самым регулируя демографические процессы.

Если высказанное выше предположение о возможности экстраполяции выводов И.И. Крупника и Р. Раппапорта на практически все традиционные или близкие к ним по укладу жизни общества верно, то получается, что для человека действительно типично стремление к неограниченному демографическому росту и соответствующему увеличению нагрузки на природные ресурсы. Лишь средовые факторы либо социально-культурные механизмы, обусловленные конкуренцией обществ за территорию и ее ресурсы, сдерживают эти процессы. События 1960-х – 1990-х гг. в странах Третьего Мира, кстати, вполне подтверждают это предположение, ибо современный демографический взрыв в наименее развитых государствах Африки и Азии объясняется как раз тем, что к середине – второй половине XX в. во все самые отдаленные их уголки проникли элементарная медицинская помощь и борьба с эпидемиями, стали осуществляться гуманитарные продовольственные поставки в случае неурожаев и голода, а также прекратились перманентные внутренние вооруженные конфликты вследствие установления государственной власти современного типа, т.е. появления полиции, судопроизводства и т.п. Таким

образом, были устранены основные причины людских потерь в традиционных обществах – эпидемии, голод как следствие изменения природных условий или стихийных бедствий⁴⁸, военные конфликты, и обусловленный нормами традиционной культуры демографический потенциал этих обществ наконец-то смог в полной мере реализоваться, породив то, что справедливо было названо «взрывом» роста численности населения.

Ориентация на минимизацию трудозатрат, в том числе **в сфере природопользования**, проявляется прежде всего как стремление сохранить наиболее экстенсивные из всех возможных в данных условиях форм использования доступных природных ресурсов. Собственно, в данном случае мы видим закрепленное в культуре, но характерное для всех живых существ стремление к всемерной экономии энергии, затрачиваемой организмом в процессе жизнедеятельности⁴⁹.

Именно этот культурный архетип помогает понять, почему, например, по соседству с группами бантуязычных скотоводов и земледельцев Южной Африки веками существуют бушмены – охотники и собиратели, или в силу каких причин уже несколько тысяч лет на одних и тех же островах Малайского архипелага представлены хозяйственно-культурные типы орошаемого пашенного земледелия (рисоводства) в прибрежной зоне и ручного подсечно-огневого земледелия во внутренних горных районах. Дело в том, что чем интенсивнее ведется хозяйство, тем больше энергии и/или времени труда оно требует – охота и собирательство позволяют обеспечивать потребности человека в продуктах питания за счет минимальных вложений труда (в среднем около 1–2 часов в день в саваннах и тропических лесах), а интенсивные системы пашенного земледелия – максимальных. Так, в тропиках Центральной Америки интенсивное земледельческое хозяйство с удобрением постоянно обрабатываемых полей и использованием тяглового скота при пахоте требует вложения примерно 5000 часов труда в год на крестьянскую семью, тогда как подсечно-огневое ручное земледелие в горных джунглях при переменном-оседлом образе жизни – всего 1000 часов, а потому до тех пор, пока плотность населения достаточно мала и ведение подсечно-огневого земледелия возможно, оно будет там сохранять-

ся. Такого рода примеров в монографии Роя Эллена, например, приводится довольно много⁵⁰.

Обоснованность предложенной формулировки доказывают не только многочисленные примеры сохранения более архаичных и экстенсивных систем хозяйства по соседству и в тесном контакте с гораздо более интенсивными (и, следовательно, трудоемкими), но без перехода к последним. В истории человечества также имеется немало примеров того, что отдельные группы, наоборот, после миграций на новые территории охотно переходили к гораздо более экстенсивным системам хозяйства. Например, можно вспомнить, что переселившиеся в Южную Африку голландцы, создавшие в Европе одну из самых интенсивных и урожайных систем земледелия на полях, в новых условиях многоземелья перешли к крайне экстенсивному и преимущественно скотоводческому хозяйству, ставшему типичным для их потомков-буров (африканеров). Освоившие пространства Квебека французские поселенцы, равно как и русские переселенцы в Сибири, довольно быстро перешли к преимущественно охотничье-рыболовецкому хозяйству с весьма малой ролью земледелия и скотоводства даже в тех районах южной тайги, где последние вполне могли развиваться. Но наиболее ярким примером подобного рода, вероятно, является случай с китайцами на Малаккском полуострове – эти переселенцы из Южного Китая с его одной из самых продуктивных и трудозатратных систем орошаемого тропического рисоводства в мире в новых условиях создали в конце XVIII в. и сохраняли вплоть до середины XIX в. крайне экстенсивную систему подсечно-огневого товарного выращивания преимущественно пряностей для поставок в английские колонии – «Поселения на проливах»⁵¹, т.е. в Сингапур и некоторые города западного побережья нынешней Полуостровной Малайзии.

Если данный культурный архетип объясняет, почему в ряде регионов мира столь долго сохраняются весьма древние по своему происхождению и очень экстенсивные системы хозяйства, то предыдущий позволяет понять основную причину отказа от подобных систем и перехода к более интенсивным и трудозатратным – демографический рост и, соответственно, увеличение плотности населения, что и

делает невозможным сохранение первых.

Феномен «трагедии общинных ресурсов»⁵², о котором было сказано выше, сам Г. Хардин описал на примере скотоводов. Чтобы лучше понять смысл его выводов, повлекших жаркие дискуссии⁵³, но в целом признанных современной наукой⁵⁴, можно представить себе условный пример. Предположим, что где-то в изолированной горной долине живет группа ведущих традиционное натуральное хозяйство скотоводов в составе 10 одинаковых по размеру семейных хозяйств, в каждом из которых по две дойные коровы, дающих по шесть литров молока в день каждая и этим полностью удовлетворяющих потребности хозяев в данных продуктах питания, составляющие 12 литров в день. По принятому нами условию, в силу полной транспортной изолированности этой горной местности скотоводы не могут использовать молоко и молочные продукты иначе, кроме как для собственного потребления. Поэтому они и не имеют стимулов к увеличению поголовья скота выше 20 голов дойных коров, или всего 30 голов крупного рогатого скота, что соответствует емкости пастбищ в долине.

Представим себе, что вследствие каких-либо военно-стратегических соображений государство провело через описываемую горную долину дорогу, и скотоводы впервые получили возможность продавать молоко или молочные продукты скупщикам. Допустим, половина хозяйств проявили себя «капиталистами» и, увеличив поголовье до трех дойных коров на семью, стали продавать по шесть литров молока в сутки, по-прежнему питаясь в основном молочными продуктами. Оставшиеся пять семей, будучи «традиционалистами», продолжали жить натуральным хозяйством. Это означает, что в долине теперь насчитывается уже 25 дойных коров, или 38 голов КРС. Но ведь емкость пастбищ соответствует только стаду в 30 коров, телят и быков, поэтому в долине начинается перевыпас, проявляется пастбищная дигрессия, и из-за недостатка кормов коровы снижают удои, допустим, на один литр в день каждая, т.е. до пяти литров. Таким образом, вскоре у «капиталистов» общие удои от трех коров на семью стали составлять только 15 литров в день, и на продажу у них теперь остается лишь три литра молока. Значит, ставшие

уже привычными денежные доходы упали вдвое, и это заставляет владельцев еще более увеличивать поголовье в попытке хотя бы восстановить былые доходы. Одновременно и у «традиционалистов» на семью стало приходиться всего по 10 литров молока в день, появился ежесуточный дефицит продуктов питания в размере двух литров молока. Следовательно, и «традиционалисты» тоже вынуждены увеличивать поголовье скота в своих хозяйствах, чтобы хотя бы накормить своих детей.

Таким образом, наши условные скотоводы создали «трагедию общинных ресурсов», которая не может кончиться ничем иным, кроме как полной деградацией пастбищ вследствие растущего поголовья скота, последующим падежом основной части домашних животных от бескормицы, и гибелью общины скотоводов, которая уже более не сможет существовать на данной территории за счет ведения скотоводческого хозяйства. Именно по такой схеме, при всей условности нашего примера, развиваются реальные ситуации во многих отдаленных скотоводческих регионах стран Третьего Мира, которые только сейчас втягиваются в сферу рыночного хозяйства и где сохраняются традиционные кочевые и пастушеские культуры с типичным для последних общинным землевладением и землепользованием. Трагичность этих ситуаций состоит в том, что в скотоводческих культурах обычно нет механизма, препятствующего подобному развитию событий или способного блокировать его на ранних стадиях.

Однако в современных обществах найдены вполне эффективные меры, предотвращающие «трагедию общинных ресурсов». Во-первых, можно отказаться от главной ее предпосылки – сохранения коллективного и неконтролируемого использования пастбищ при переходе к рыночным отношениям, что можно обеспечить путем раздела общинных пастбищных земель между отдельными хозяйствами – посредством «приватизации» общинных ресурсов. Во-вторых, общинное владение и пользование пастбищными ресурсами вполне можно и сохранить, но при условии определения допустимых норм нагрузки на них и введения общественного контроля за соблюдением таких норм – в нашем случае это могло бы быть решение общины скотоводов о том, что каждая семья может держать

на общинном пастбище только три головы крупного рогатого скота, или меньше, но ни в коем случае не больше.

Разумеется, пример с общинными пастбищами и скотоводами – лишь метафора, и в действительности феномен «трагедии общинных ресурсов» имеет гораздо более широкое значение, помогая понять перспективы стихийно развивающегося использования самых разных возобновимых природных ресурсов, будь то рыбы в Мировом океане или клюквенников в северных районах России. Даже такое явление, как пробки автомобильного движения и его приближающийся паралич в г. Москве, вполне описывается по подобной схеме – коллективно используемым ресурсом в этом случае является пропускная способность городских улиц и площадей, позволяющая передвигаться по городу в общественном и частном автотранспорте, а возможным решением – отказ от коллективного и бесконтрольного использования этого ограниченного ресурса, от исторически сложившихся представлений, что каждый горожанин может ездить по улицам своего города столько и тогда, сколько и когда ему захочется. Рано или поздно придется пойти на введение норм нагрузки на этот пространственный ресурс и общественного контроля за их соблюдением, определить, кто, когда и каким образом (на каких условиях) сможет ездить по городу на автотранспорте. Впрочем, и в этом случае стихийное развитие ситуации, скорее всего, первоначально приведет к тому, что пропускная способность улиц г. Москвы будет полностью исчерпана, а пробки станут практически постоянным явлением и тем самым сделают поездки на автомобиле по городу почти невозможными.

Отсутствие сознательных **ограничений на химическое загрязнение** и трансформацию физических свойств окружающей среды определяется тем, что осознание важности и безграничности возможностей окружающей среды поглощать и утилизировать отходы жизнедеятельности современного общества свойственно лишь небольшой части населения, и даже те, кто это понимает, далеко не полностью превратили подобные знания в поведенческие навыки.

Происхождение этого культурного архетипа объясняется довольно легко – в традиционных обществах просто не было возможнос-

тей вызывать серьезное химическое и физическое загрязнение среды обитания, а потому и не возникали опасения перед такого рода действиями. Поэтому современный человек выбрасывает на землю пластиковую упаковку от конфет, сигарет или мороженого точно таким же движением, каким его предки без малого двести тысяч лет выбрасывали огрызок фрукта или обглоданную кость. Люди все еще либо не вполне понимают, сколь разный экологический эффект создает попадание на почву пластика, практически не разлагающегося в окружающей среде в течение многих десятилетий, и органики, служащей удобрением или как минимум не нарушающей природных процессов, либо же, понимая сказанное выше, не всегда вспоминают об этих своих познаниях, которые еще не стали твердыми поведенческими навыками большинства населения.

Но речь здесь должна идти, конечно же, не только о фантиках и пакетиках, а в первую очередь о том, что так же точно зачастую ведут себя и организаторы крупного промышленного производства, которые вполне могут просто не задумываться об экологических последствиях создаваемых на их предприятиях электромагнитных полей, вибрационных нагрузок на прилегающие территории или выбросов химических веществ, чуждых биосфере, в воздух или в поверхностные воды рек и морей. Впрочем, целенаправленное экологическое воспитание и образование может в перспективе смягчить проявления этого культурного архетипа, что, однако, не будет простой и быстро решаемой задачей. Именно о последнем свидетельствует запаздывающее развитие экологически обоснованных, или «экофильных», новых форм мировоззрения и морали, а также права и экономических механизмов, индустриальных и иных технологий, которые призваны служить средствами предотвращения загрязнения и негативной трансформации физических свойств окружающей среды.

Феномен «культуры вейстинга», или демонстративного потребления, т.е. явно избыточного, с точки зрения биологически обусловленных потребностей человека, использования природных ресурсов в целях завоевания социального престижа, в нашей науке впервые и весьма детально описан С.А. Арутюновым⁵⁵, что дает возможность не останавливаться на нем подробно. Стоит только отметить, что

нерациональность этого явления в эколого-биологическом плане вовсе не отрицает того, что в социальном плане оно, к сожалению, очень эффективно, ибо дает возможность удовлетворять одну из первейших потребностей человека в социальном признании.

Именно этот культурный архетип порождает нарастающий эколого-экономический иррационализм современного «общества потребления» и тем самым выступает как главная движущая сила процессов истощения используемых природных ресурсов и загрязнения или трансформации физических свойств окружающей среды. Видимо, только последовательная и серьезная борьба с его проявлениями путем соответствующего образования и воспитания в сочетании с предложением новых и экологически не столь разрушительных способов конкуренции между людьми и сфер борьбы за социальное признание позволит снизить негативное влияние этого феномена современной культуры.

Отсутствие сознательных ограничений на риск, т.е. на «рискованное поведение», или действия, конечные результаты которых непредсказуемы и при этом понятно, что они могут быть как негативными, так и позитивными, можно считать еще одним экологически значимым архетипом культуры. В современном обществе именно он провоцирует нарастающую частоту и масштабы техногенных аварий. Эти техногенные аварии в промышленности и на транспорте зачастую превращаются в подлинные экологические бедствия, причиняющие различного рода ущерб – экологический (деградация экосистем вследствие нарушения их биотических и абиотических компонентов, например, при загрязнении), медико-демографический (гибель людей, их болезни и травмы, в том числе приводящие к инвалидности), социальный (потеря рабочих мест, появление экологических беженцев) и экономический (разрушение инфраструктуры – дорог, предприятий и жилых домов, полей, оросительных каналов и т.п.).

Это явление подробно описано С.М. Мягковым⁵⁶, который отметил нарастающую частоту рискованных действий людей при переходе от традиционных обществ к современным, поскольку процесс социокультурной модернизации сопровождается неуклонным

уменьшением в обществе коллективистских ценностей и поведенческих норм. Следовательно, актуальность такого рода проблем в обозримом будущем будет только нарастать.

В качестве примера стоит привести некоторые из собранных С.М. Мягковым сведений и его расчеты, согласно которым рискованные действия в сфере подготовки к возможным стихийным бедствиям и предупреждения их вероятных последствий реже всего имеют место в современной Японии, где у населения в намного большей степени сохранились восходящие к традиционным общинным культурам коллективистские установки. На другом полюсе находится население США, где в максимальной степени развился свойственный современным постиндустриальным обществам индивидуализм. Народы Западной Европы (в данном случае Великобритании, Германии и Франции) занимают промежуточное положение. В результате на протяжении 1960-х – 1980-х гг. сопоставимые по своим масштабам стихийные бедствия в среднем уносили в Японии примерно в два раза меньше жизней, чем в Западной Европе, и почти в восемь раз меньше, чем в США (естественно, в пересчете на равные контингенты населения); экономический ущерб от них в Японии был соответственно в четыре раза и в восемь раз меньше (в пересчете на равные объемы валового национального продукта). Однако при этом самих случаев тяжелых стихийных бедствий с числом жертв не менее 10 человек и/или экономическим ущербом не менее 10 миллионов долларов в этот период времени в Японии было в два раза больше, чем в Западной Европе, и в четыре раза больше, чем в США (в пересчете на равные площади территории). При этом именно в Японии гораздо выше плотность населения и объем ВВП на единицу территории; при равной склонности жителей к риску и, соответственно, при сходной доле случаев неоправдавшегося риска, соотношения потерь от стихийных бедствий в этих регионах мира были бы обратными⁵⁷.

В качестве иллюстрации того, как именно проявляется данное явление, можно также привести аварию на Чернобыльской АЭС, произошедшую в 1986 г. Причиной той трагедии был, во-первых, неоправдавшийся риск разработчиков атомных реакторов так назы-

ваемого чернобыльского типа, ведь они знали, что такие реакторы потенциально были способны взорваться, но понадеялись, что окажется достаточным подготовить детальные инструкции о том, как не допустить подобного развития событий, и установить автоматические системы защиты, которые просто отключат реактор в случае приближения опасности взрыва. Во-вторых, основной причиной аварии стал неоправдавшийся риск операторов ЧАЭС, которые в нарушение инструкций по технике безопасности проводили эксперименты на этом реакторе, предварительно отключив все системы его защиты. Иными словами, действия разработчиков реактора и операторов были именно рискованными, а не ошибочными, ведь те и другие прекрасно понимали, что следствием того, что они делали, может быть авария, или взрыв, но понадеялись, что этого не произойдет. К сожалению, однажды это все же произошло, хотя до того такие реакторы работали практически безаварийно в течение десятилетий, несмотря на разного рода эксперименты и многочисленные нарушения инструкций по управлению ими.

* * *

Раскрытие и обоснование описанных выше и, возможно, некоторых других универсальных экологически значимых культурных архетипов, определяющих поведение человека по отношению к окружающей среде в современном мире и требующих неизбежной коррекции как условия перехода к сбалансированному дальнейшему развитию (коэволюции) общества и природы Земли, конечно же, составляет задачу целой серии будущих исследований. На данном этапе работы автор счел необходимым, во-первых, сформулировать и кратко описать свое видение этой задачи вместе с некоторыми предварительными выводами и вариантами решений. Во-вторых, и это главное, сейчас прежде всего требуется привлечь внимание специалистов-экологов, во все большей степени начинающих анализировать культуру современного урбанистического общества и осознавать необходимость и неотложность ее «экологизации», к исследованиям культуры и культурной адаптации преимуществен-

но традиционных обществ, выполненных в рамках этноэкологии или этнологии в целом. Именно там можно найти достаточно разработанный понятийно-терминологический аппарат и концепции, многие из которых можно и нужно приспособить к потребностям исследования экологических функций нематериальных явлений культуры в современных промышленно развитых и постиндустриальных обществах.

Примечания:

¹ Основные положения данной работы были представлены в докладе автора на Круглом столе «Становление человечества как глобальной силы» (руководители Т.И. Алексеева и А.Г. Ганжа), организованном в рамках посвященной памяти академика Н.Н. Моисеева конференции «Связь времен» (г. Москва, 28.II – 1.III.2001 г.) и собравшем специалистов в области антропологии, археологии, истории, философии, этнологии, географии и биологии.

² *Моисеев Н.Н.* Современный антропогенез и цивилизационные разломы. М., 1994. С. 35.

³ *Глазачев С.Н., Козгай Е.А.* Экологическая культура и образование: Очерки социальной экологии. М., 1999. С. 1; см. также: *Экокультура: в поисках выхода из экологического кризиса. Хрестоматия по курсу охраны окружающей среды / Сост.: Марфенин Н.Н.* М., 1998.

⁴ *Печчеи А.* Человеческие качества. 2-е изд. М., 1985. С. 43.

⁵ *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии // *Сов. этнография.* 1983. № 1. С. 3–16.

⁶ См., например, обзорную статью: *Козлов В.И., Ямсков А.Н.* Этническая экология // *Этнология в США и Канаде.* М., 1989. С. 86–107.

⁷ *Козлов В.И.* Этническая экология: становление дисциплины и история проблем. М., 1994. С. 13.

⁸ *Moran E.* Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology. Boulder, 1982. P. 4; *Netting, Robert M.* Cultural Ecology. 2nd edition. Prospect Heights, 1986. P. 6.

⁹ Проблемам разграничения «традиционных» (доаграрных и аграрных) и «современных» (индустриальных и постиндустриальных) обществ и различиям между ними в сфере природопользования посвящена отдельная статья автора. См.: *Ямсков А.Н.* Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // *Юридическая антропология. Закон и жизнь / Ред. Новикова Н.И., Тишков В.А.* М., 2000. С. 172–185.

- ¹⁰ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 230–244; Он же. Культурологические исследования и глобальная экология // Вестник АН СССР. 1980. № 12. С. 92–98.
- ¹¹ Козлов В.И. Этническая экология... С. 210–230.
- ¹² Бромлей Ю.В. Этнические аспекты экологии человечества // Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М., 1981. С. 245–256.
- ¹³ Это положение было сформулировано и опубликовано им еще в 1969 г.; см. также: Маркарян Э.С. К общей характеристике культуры и ее жизнеобеспечивающей системы // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования. Ереван, 1983. С. 17–19.
- ¹⁴ Асмолов А.Г. Психология личности. М., 1990. С. 280.
- ¹⁵ Bennet J. Culture // The Encyclopedia Americana. International Edition. Dunbury, 1987. Vol. 8. P. 317.
- ¹⁶ Culture // The New Encyclopedia Britannica. 15th ed. London, 1988. Vol. 3. P. 784.
- ¹⁷ Seymour-Smith Ch. Macmillan Dictionary of Anthropology. London, 1995. P. 65.
- ¹⁸ Козлов В.И. Основные проблемы этнической экологии С. 5.
- ¹⁹ Подробнее об этом аспекте адаптации см., например: Алексеев В.П. Географические очаги формирования человеческих рас. М., 1985. С. 5–75; Алексеева Т.И. Адаптация человека в различных экологических нишах Земли (биологические аспекты). М., 1998.
- ²⁰ См. подробнее: Ямсков А.Н. Экологические функции основных компонентов традиционной культуры // Этноэкологические исследования. Сборник статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова / Ред. Дубова Н. А., Григулевич Н.И., Лопуленко Н.А., Ямсков А.Н. М., 2004. С. 39–60.
- ²¹ Несомненно, в любой культуре присутствуют и другие элементы, не имеющие непосредственных адаптивных функций и потому не входящие в обсуждаемый здесь круг явлений.
- ²² В этой связи стоит напомнить, что к явлениям культуры относят все те способы организации поведения, которым одни люди научаются при контакте с другими как при непосредственном целенаправленном обучении, так и за счет подражания. О культуре как «наученном поведении» (learned behavior) см. подробнее: Bennet J. Culture P. 315, 318.
- ²³ Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология // Программы по экологическим дисциплинам / Ред. Дмитриева В.Т., Воробьев А.Н., Ямсков А.Н. М., 1999. С. 110.
- ²⁴ См., например, точку зрения В.И. Козлова и критику им некоторых аль-

тернативных взглядов: *Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии... С. 8–9; *Козлов В.И.* Жизнеобеспечение этноса: содержание понятия и его экологические аспекты // *Этническая экология: Теория и практика* / Ред.: В.И. Козлов (отв. ред.), Н.А. Дубова, А.Н. Ямсков. М., 1991. С. 16–18. Максимально подробный и, видимо, явно избыточный перечень потребностей человека см.: *Реймерс Н.Ф.* Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М., 1994. С. 297–316.

²⁵ Эта точка зрения автора в ее первоначальном варианте была представлена в программе учебного курса, опубликованной в соавторстве. См.: *Дубова Н.А., Ямсков А.Н.* Экология человека // *Программы по экологическим дисциплинам* / Ред. Дмитриева В.Т., Воробьев А.Н., Ямсков А.Н. М., 1999. С. 96.

²⁶ См. также: *Ямсков А.Н.* Социальная экология и этноэкология... С. 115–117.

²⁷ *Арутюнов С.А.* Народы и культуры... С. 233–234.

²⁸ *Ямсков А.Н.* Социальная экология и этноэкология... С. 115–117.

²⁹ *Hardin G.* The Tragedy of the Commons // *Science*. 1968. Vol. 162. № 3859. Pp. 1243–1248.

³⁰ *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. М., 1994. С. 141.

³¹ *Бакусев В.М.* От издательства // *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. М., 1994. С. 10.

³² *Асмолов А.Г.* Психология личности. М., 1990. С. 267.

³³ *Медведев В.И., Алдашева А.А.* Экологическое сознание: Учебное пособие. М., 2001. С. 287–288.

³⁴ Там же. С. 45–51, 288.

³⁵ *Irons W.* Adaptation // *Encyclopedia of Cultural Anthropology* / Eds. D. Levinson, M. Ember. New York, 1996. Vol. 1. Pp. 3–4.

³⁶ *Бутовская М.Л.* Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследований // *Этология человека на пороге 21 века: новые данные и старые проблемы* / Ред.: М.Л. Бутовская. М., 1999. С. 21; *Плюснин Ю.М.* Проблемы биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск, 1990. С. 137.

³⁷ *Бутовская М.Л.* Этология человека: история возникновения... С. 53.

³⁸ Применительно к анализу демографических процессов эту точку зрения см., например: *Козлов В.И.* Исторические аспекты этносоциальной экологии (о проблемах экологического поведения) // *Этнограф. обозрение*. 1994. № 1. С. 36–37.

³⁹ Об экологических кризисах вследствие истощения используемых природных ресурсов как имманентной особенности истории человечества см. исследования известных отечественных географа и эколога: *Люри Д.И.*

Развитие ресурсопользования и экологические кризисы, или зачем нам нужны экологические кризисы? М., 1997; *Реймерс Н.Ф.* Экология (теории, законы, правила, принципы и гипотезы). М., 1994. С. 173–178.

⁴⁰ По представленным на Конференции по устойчивому развитию в г. Йоханнесбурге в 2002 г. прогнозам Всемирного Банка, численность населения Земли к 2050 г. возрастет с 6 до 9 млрд. человек, в основном за счет государств Третьего Мира – см.: *Перелет Р.А.* Переход к эре устойчивого развития? // Россия в окружающем мире: 2003 (Аналитический ежегодник) / Ред. Марфенин Н.Н., Степанов С.А. М., 2003. С. 23.

⁴¹ Считается, что ныне в развитых государствах Запады среднедушевое потребление энергии примерно в 80 раз больше, чем в государствах Третьего Мира, а один гражданин США, например, потребляет в 25 раз больше ресурсов вещества и энергии, чем житель Индии – см.: *Современные проблемы экологии* / Ред. Касьян А.А. М., 1997. С. 31. При этом отношение уровня жизни и потребления в самых богатых (верхние 20% человечества) и самых бедных (нижние 20%) странах в 1960 г. составляло 30:1, а в 1995 г. стало уже 80:1, и этот разрыв имеет тенденцию к дальнейшему росту; по оценкам, в течение XX в. численность населения Земли выросла почти в 4 раза, а валовой национальный продукт – в 17,6 раз, суммарное потребление минеральных ресурсов и энергии – соответственно в 29 раз и в 10 раз. См.: *Марфенин Н.Н.* Биосфера и человечество за 100 лет // Россия в окружающем мире: 2001 (Аналитический ежегодник) / Ред. Марфенин Н.Н. М., 2001. С. 14, 21–22.

⁴² Здесь и далее приводятся данные из монографии: *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.

⁴³ Расчеты автора по данным И.И. Крупника. См. указ. раб. С. 64–65.

⁴⁴ Там же. С. 49, 51–52.

⁴⁵ См. подробнее: *Ямсков А.Н.* Традиционное скотоводство и природная среда: Культурно-экологические аспекты взаимодействия // Этническая экология: Теория и практика / Ред.: Н.А. Дубова, В.И. Козлов, А.Н. Ямсков. М., 1991. С. 293–296.

⁴⁶ *Rappaport R.A.* Pigs for the Ancestors: Ritual in the Ecology of a New Guinea People. 2nd ed. New Haven, 1984. 501 + xviii pp.

⁴⁷ Здесь и далее сведения из монографии: *Rappaport R.A.* Pigs for the Ancestors... 1984.

⁴⁸ Так, в 1980-е – первой половине 1990-ых гг. ежегодные поставки продовольственной помощи в Африку составляли 3,5 млн. т зерна и 65 тыс. т сухого молока, но при этом в засуху 1984–1985 гг. от голода умерло около

1,3 млн. человек, в основном в Эфиопии. См.: *Марфенин Н.Н.* Биосфера и человечество ..., 2001 С. 18.

⁴⁹ В этой связи любопытно отметить, что с точки зрения относительных затрат энергии организмом ходьба человека, т.е. его передвижение с нормальной скоростью (бипедия), оказывается более эффективным способом локомоции, нежели перемещение шимпанзе на двух или четырех конечностях либо движение других млекопитающих-тетраподов; впрочем, за свою долгую жизнь человек в среднем потребляет примерно в четыре раза больше энергии на единицу массы тела, чем другие млекопитающие. См.: *Хрисанфова Е.Н., Перевозчиков И.В.* Антропология: Учебник. 2-е изд. М., 1999. С. 24, 52.

⁵⁰ *Ellen R.* Environment, Subsistence and System: The Ecology of Small-Scale Social Formations. Cambridge, 1982. P. 271.

⁵¹ *Courtenay P.P.* A Geography of Trade and Development in Malaya. London, 1972. P. 95; *Gosling L.A.P.* Migration and Assimilation of Rural Chinese in Trengganu // *Malayan and Indonesian Studies*. Eds.: Bastin J., Roolvink R. Oxford, 1964. P. 206.

⁵² *Hardin G.* Op.cit. Vol. 162. № 3859. Pp. 1243–1248.

⁵³ Критические замечания по этому поводу и подбор соответствующей библиографии см.: *Acheson J.* Tragedy of the Commons // *Encyclopedia of Cultural Anthropology* / Eds.: D. Levinson, M. Ember. New York, 1996. Vol. 4. Pp. 1325–1327; см. также посвященный этой проблеме сборник: *The Question of the Commons. The Culture and Ecology of Communal Resources* / Eds.: В. М. McCay, J.М. Acheson. Tucson, 1987.

⁵⁴ См., например, переводной американский учебник экологии для колледжей и университетов: *Миллер Т.* Жизнь в окружающей среде. Книга I. М., 1993. С. 33.

⁵⁵ См. подробнее: *Арутюнов С.А.* Народы и культуры... С. 233–234.

⁵⁶ *Мягков С.М.* Социальная экология: этнокультурные основы устойчивого развития. М., 2001. С. 119–126 и др.

⁵⁷ Там же. С. 125.

Содержание

<i>Ямсков А.Н.</i> Исследования экологических функций нематериальных явлений культуры (вместо введения)	3
<i>Козлов В.И.</i> О некоторых проблемах этнической экологии.....	15
<i>Козлов В.И.</i> Экологические аспекты религиозных верований	33
<i>Иванова Ю.В.</i> Труд людей и мир богов	58
<i>Алексеева Н.Н.</i> Экологические аспекты социально-культурных традиций Индии	81
<i>Дробышев Ю.И.</i> Экологическая специфика культуры монголов конца XIV–XVI вв.	102
<i>Красовская Т.М.</i> Экологическая рациональность мировоззрения коренных малочисленных народов Крайнего Севера России.....	150
<i>Четкарева Р.П., Четкарев Ю.Э.</i> Взгляды народа мари на природу и нравственность	176
<i>Струенкова Г.А.</i> Отношение к природе и традиции природопользования в духовной культуре мордвы	192
<i>Токсубаева Л.С.</i> Экологические мотивы в традиционном изобразительном искусстве русского населения Казанского Поволжья	216
<i>Бойко И.А.</i> Географические аспекты формирования и дифференциации музыкального фольклора украинцев Карпат... ..	221
<i>Ямсков А.Н.</i> Экологически значимые культурные архетипы поведения человека	266
<i>Григулевич Н.И.</i> Экологическое образование школьников как один из путей формирования их духовной культуры.....	297

Contents

<i>Yamskov A.N.</i> Studying ecological functions of non-material cultural phenomena (Introduction).....	3
<i>Kozlov V.I.</i> On some problems of ethnic ecology.....	15
<i>Kozlov V.I.</i> Ecological aspects of religious beliefs.....	33
<i>Ivanova Yu. V.</i> Human labor and the world of gods.....	58
<i>Alekseeva N.N.</i> Ecological aspects of social-cultural traditions in India.....	81
<i>Drobyshev Yu.I.</i> Ecologically specific characteristics of the Mongol culture at the end of 14th – 16th centuries.....	102
<i>Krasovskaya T.M.</i> Ecological rationality of the indigenous minority peoples' of the Russian Far North world outlook.....	150
<i>Chetkareva R.P., Chetkarev Yu. E.</i> The Mari people attitude towards nature and morals.....	176
<i>Struenkova G.A.</i> Attitude towards nature and traditions of nature resource use in spiritual culture of the Mordva people.....	192
<i>Toksubaeva L.S.</i> Ecological aspects of traditional fine arts of ethnic Russians in the Kazan region (Volga river basin).....	216
<i>Boiko I.A.</i> Geographical aspects in formation and differentiation of musical folklore among Ukrainians in the Carpathian mountains.....	221
<i>Yamskov A.N.</i> Ecologically relevant cultural archetypes, demonstrated in human behavior.....	266
<i>Grigulevich N.I.</i> Ecological education of school children as one of the ways to form their spiritual culture.....	297

Ethnoecological aspects of spiritual culture. Eds.: V.I. Kozlov, A.N. Yamskov, N.I. Grigulevich. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology. 2005. 324 pp.

Collection of papers includes articles, prepared by ethnologists, geographers and other specialists who work in the field of ethnic (cultural) ecology. The authors study adaptive functions of various non-material cultural phenomena, such as religious beliefs, the role of some elements of spiritual culture in human life and subsistence, specific characteristics of certain ethnic cultures in their attitudes towards nature and its perceptions, as well as some other issues, arising from culturally specific ways of interaction between human society and natural environment. These and a number of closely related issues are reviewed from theoretical perspectives and on the basis of case studies, done in South and Central Asia, Mediterranean, Carpathian mountains, Volga basin and the Far North of Eurasia.

Научное издание

**Этноэкологические аспекты
духовной культуры**

*Утверждено к печати
Институтом этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН*

Редактор: *Г.А. Носова*
Художник: *Е.В. Орлова*
Компьютерная верстка: *О.Г. Симонова*

Подписано к печати 26.05.2005
Формат 60x84 1/16 . Объем 18 п.л. Тираж 200 экз.

Участок оперативной полиграфии
Института этнологии и антропологии
119334 Москва, Ленинский проспект 32А